

Е.М. Дронова (Воронеж)

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И АЛЛЮЗИЯ:
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ**

В статье рассматривается проблема соотношения интертекстуальности и аллюзии. Интертекстуальность определяется как неотъемлемое свойство текста создавать уровень импликации и отсылать читателя к уже написанным ранее текстам, аллюзия – частный случай данного свойства.

The article is concerned with the problem of correlation between intertextuality and allusion. Intertextuality is defined as an integral feature of a text to create the layer of implication and refer the readers back to the texts which have already been created. Allusion is a particular case of intertextuality.

Современный этап развития наук, нередко называемый научной революцией, характеризуется интеграцией и созданием интертеории – синергетики, рассматриваемой как мировидение XXI века. Именно синергетика дает возможность построить концептуально-многомерную модель сложного объекта, отражающую, с одной стороны, его специфические черты, с другой – общие закономерности, характерные для всех сложных систем. Особое значение приобретает синтез эволюционных идей и системно-структурного подхода, синхронии и диахронии. Эволюция поэтического языка вписывается, таким образом, в общую концепцию глобальной эволюции, базирующуюся на идеях многовариантности и альтернативности путей развития, выбора и роли случайности, темпа и необратимости эволюционного процесса, тупиков эволюции и многих других.

Понятие интертекста как информационной реальности, связывающей воедино текст, человека и время, в наибольшей степени отвечает идее синтеза и потому позволяет по-новому оценить когнитивную и коммуникативную природу языковых феноменов цитации, аллюзии и архетипичности. Они оказываются теми *nomos universalis*, которые дают возможность обнаружить *differentia specifica* различных коллективных и индивидуальных поэтических систем. Важно также, что понятие интертекста опирается на принципы относительности и антропоцентризма: все процессы в интертексте соизмеряются и определяются фигурой человека творящего, но само его поло-

жение в интертексте меняется в каждый момент времени и – в свою очередь – влияет на характер процессов.

Термин «интертекстуальность» был введен виднейшим французским постструктуралистом, ученицей Ролана Барта Юлией Кристевой, в 1967 году и стал затем, как пишет И.П. Ильин, одним из основных принципов постмодернистской критики. Поэтому представляется наиболее целесообразным придерживаться именно того определения, которое находим у Ю. Кристевой: «Мы назовем интертекстуальностью такую текстуральную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» (Ильин 1996: 225).

Согласно диалоговой концепции культуры М.М. Бахтина, общение личностей происходит благодаря некоторому атому общения – тексту. М.М.Бахтин в «ЭСТЕТИКЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА» писал, что человека можно изучать только через тексты, созданные или создаваемые им (Бахтин 1979: 353). Текст, следовательно, может быть представлен в разных формах:

- как живая речь человека;
- как речь, запечатленная на бумаге или любом другом носителе (плоскости);
- как любая знаковая система (иконографическая, непосредственно вещная, деятельностная и т.д.).

В любой из этих форм текст может быть понят как форма общения культур. Каждый текст опирается на предшествующие и последующие ему тексты, созданные авторами, имеющими свое миропонимание, свою картину или образ мира, «... и в этой своей ипостаси текст несет смысл прошлых и последующих культур, он всегда на грани, он всегда диалогичен, так как всегда направлен к другому...» (Библер 1991: 86). Эта особенность текста прямо указывает на его контекстное окружение, которое делает текст произведением. В произведении воплощено целостное бытие автора, которое может быть смыслом только при наличии адресата. Произведение отличается от продукта потребления, от вещи, от орудия труда тем, что в них воплощается бытие человека, отстраненное от него. И второй особенностью произведения, согласно концепции В.С. Библиера, является то, что оно возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных

друг от друга автора и читателя (Библер 1990: 26). И в этом общении через произведения изобретается, создается впервые мир. Текст, понимаемый как произведение, «живет контекстами...», все его содержание только в нем, и все его содержание – вне его, только на его границах, в его небытии как текста» (Библер 1990: 76).

В контексте постмодернистского мировоззрения интертекстуальность рассматривается как единый механизм порождения текстов. Интертекстуальность нельзя рассматривать как чисто механическое включение ранее созданных текстов (или их элементов) в создаваемый текст. В концепции постструктурализма (ведь именно в русле этого течения велись интенсивные исследования данного феномена) интертекстуальность тесно связывается с положением «мир есть текст», сформулированным еще Ж. Деррида.

Согласно этому положению, вся человеческая культура рассматривается как единый текст, включенный в бытие, то есть некий единый интертекст. Все создаваемые тексты, в таком случае, с одной стороны, в основе своей имеют единый предтекст (культурный контекст, литературная традиция), а с другой стороны, в свою очередь являются интертекстами, так как становятся явлениями культуры.

Ставшее для большинства западных теоретиков каноническим определением интертекстуальности Р.Барта может более наглядно представить ситуацию: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» (Ильин 1996: 226).

Нужно отметить, что не все западные ученые разделяют взгляды постструктуралистов на интертекстуальность. Интертекстуальность может также быть рассмотрена как факт сопричастия в одном тексте двух или более текстов, реализующийся в таких приемах, как цитата, аллюзия, плагиат и др.

Однако такой взгляд на теорию интертекстуальности представляется искусственно ограниченным: ведь феномен интертекстуальности вмещает в себя не только факт заимствования элементов существующих текстов, но и наличие общего единого текстового пространства. Только в таком случае становится понятным, почему аллюзии, цитаты, реминисценции могут быть как вольными, так и невольными заимствованиями (именно невольным заимствованием, «бессознательным действием творческой памяти» называл реминисценции В.М. Жирмунский) (Жирмунский 1977: 339).

Р.Д. Тименчик выделяет «промежуточный вид использования» чужого текста, при котором цитирование не является сознательной отсылкой к тексту-источнику (Тименчик 1989: 34). Именно при условии существования единого текстового пространства становится очевидной возможность для текстов свободно проникать друг в друга.

В едином культурном пространстве находятся, помимо прочих, тексты, обладающие определенным неоспоримым «авторитетом», приобретшие его в результате существующей в конкретной культурной среде традиции воспринимать их как источник безусловных аксиом. Таким текстом является, например, Библия, цитаты и аллюзии из текстов которой пронизывают буквально все тексты, созданные в Новое время.

По выражению В.Н. Топорова, «великий текст» — «чистое творчество как преодоление всего пространственно-временного, как достижение высшей свободы» живет «вечно и всюду» (Топоров 1983: 284). Присутствие таких безусловных «авторитетов» также способствует созданию (и успешному существованию) некоего «универсума текстов» (по выражению Ж. Деррида), так как подобный текст функционирует в качестве постоянного интертекста (в виде цитат и аллюзий).

Литературная аллюзия (наряду с таким приемом, как реминисценция) является средством создания межтекстовых связей, это не более чем прием, заключающийся в том, что аллюзия «намекает» на некое событие, бывшее в действительности либо вымышленное. Аллюзия также может функционировать как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании», в таком случае «аллюзия не восстанавливает хорошо

известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию» (Гальперин 1981: 110).

Аллюзивное слово выступает в качестве знака ситуационной модели, с которой посредством ассоциаций соотносится текст, содержащий аллюзию (Христенко 1992: 42). Таким образом, и происходит взаимодействие между литературно-художественными произведениями, которое называют аллюзивным процессом.

Аллюзия, таким образом, предстает как заимствование некоего элемента из инородного текста, служащее отсылкой к тексту-источнику, являющееся знаком ситуации, функционирующее как средство для отождествления определенных фиксированных характеристик. Аллюзия, таким образом, является интертекстом, элементом существующего текста, включаемым в создаваемый текст. В то же время интертекстуальность, в первую очередь, объясняет саму возможность взаимопроникновения текстов, факт существования их в объединенном пространстве в виде единого текста, который представляет собой вся человеческая культура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 412 с.
2. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с.
3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981.
5. Жирмунский В.М. Анна Ахматова и Александр Блок // Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, 1977.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
7. Тименчик Р.Д. Чужое слово у Ахматовой // Русская речь. – 1989. – №3.
8. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.
9. Христенко И.С. К истории термина «аллюзия» // Вестник Моск. ун-та. – Серия 9. – Филология. – 1992. – Вып. 6.

Получено 28.10.2004 Воронежский государственный университет